

БРАТЯ АНДРЕЙ И СЕМЕНЬ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО РАСКОЛА.

II.

Духовно-нравственное состояніе поморскаго края въ XVII вѣкъ и первоначальная исторія раскола въ Поморьѣ.

Значеніе первоначальнаго иночества для христіанскаго просвѣщенія и матеріальнаго улучшенія поморскаго края; размноженіе монаховъ въ Поморьѣ предъ появленіемъ тамъ раскола; отношеніе этихъ обстоятельствъ къ характеру поморскаго раскола; частная исторія «Выгорѣціи»; другія обстоятельства, благопріятствовавшія успѣхамъ раскола въ Поморьѣ; начало и ходъ раскола въ Поморьѣ.

Братья Денисовы съ своими идеями и стремленіями, насколько въ нихъ есть отличительнаго въ сравненіи съ другими раскольническими толками, составляютъ, такъ сказать, плодъ предшествовавшей исторической жизни поморскаго края. Поэтому, прежде, нежели излагать жизнь Андрея и его труды для раскола, необходимо сказать нѣсколько словъ во-первыхъ о духовно-нравственномъ состояніи поморскаго края въ эпоху, предшествовавшую появленію здѣсь раскола, и во-вторыхъ—о первоначальной исторіи самого раскола въ Поморьѣ. Духовно-нравственное состояніе поморскаго края

въ XVII стол. представляет ту почву, которую такъ заботливо и такъ мастерски обрабатывалъ Андрей, на которой онъ сѣялъ свои сѣмена и собиралъ свою жатву. А первоначальная исторія раскола въ Поморьѣ представляетъ намъ сумму тѣхъ вліяній, подъ которыми развился лично самъ Андрей, съ своимъ характеромъ и энергіей.

1. Въ первоначальной исторіи поморскаго края прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то значеніе, какое имѣло здѣсь иночество и монастыри, какъ для духовно-нравственнаго развитія населенія, такъ и для его внѣшняго, матеріальнаго быта. Первые зачатки христіанства принесены сюда новгородскими промышленниками, которые, предпринимая сюда экспедиціи для своихъ торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, вывозили съ собою и священниковъ, какъ для насаждаемыхъ ими колоній, такъ и для проповѣди язычникамъ. Затѣмъ, о нѣкоторыхъ новгородскихъ князьяхъ, наприѣмъ о Ярославѣ Всеволодовичѣ, отцѣ св. Александра Невскаго, извѣстно, что они также озабочены были особенно распространеніемъ христіанства въ сѣверныхъ своихъ владѣніяхъ (*). Но ни новгородскіе промышленники, преслѣдовавшіе здѣсь больше свои эгоистическіе, меркантильные интересы, ни князья новгородскіе, дѣйствовавшіе не безъ участія внѣшней силы и принудительныхъ мѣръ, не могли, конечно, сдѣлать многого для христіанскаго просвѣщенія поморскаго края: однимъ — эгоизмъ, другимъ — официальное значеніе мѣшало пріобрѣсть сердечное расположеніе поморскихъ жителей, столько необходимое для того, чтобы дѣло

(*) Эти экспедиціи продолжались съ XI до XIV в. включительно. Первое историческое упоминаніе о насажденіи христіанства въ Поморьѣ (древняя Коріаландія и Двинская земля, нынѣ губерніи Архангельская и Олонецкая) относится къ 1134 году: уставъ Святослава, князя новгородскаго, опредѣляя, откуда сколько нужно получать доходовъ новгородскому владыкѣ, говоритъ: «а се обонезскій рядъ: во Олонци три гривны и пр. (См. *Ист. Карамз.* т. II, прим. 267). Ярославъ Всеволодовичъ распространялъ здѣсь христіанство въ 1227 г. (См. *Олопец. Губ. Вѣд.* 1849 г., № 11).

обращенія могло быть искреннимъ и прочнымъ. Въ дѣлѣ про-
свѣщенія Поморья свѣтомъ Христовой вѣры всего больше
потрудились мѣстные святыя подвижники и пустынножителѣ.
Желая удалиться отъ міра для уединенныхъ душеспаситель-
ныхъ подвиговъ и богомыслія, жители сосѣднихъ населен-
ныхъ мѣстъ области новгородской нигдѣ, конечно, вблизи
не могли найти лучшаго уединенія, какъ въ поморскихъ
лѣсахъ и пустыняхъ. Съ самыхъ раннихъ поръ, одновре-
менно съ удачами новгородскими молодцами, распростра-
нявшими русскія колоніи на финскомъ сѣверо-востокѣ, на-
саждавшими села, починки, погосты «въ Лопи, въ Чуди, въ
Корелѣ,» наряду съ ними устремлялись сюда и отшельни-
ки, съ немальною отвагой пролагая себѣ пути среди лѣсовъ
и болотъ, и селились гдѣ-либо у подошвы горы, на берегу
озера, при ручьѣ. Своими высокими подвигами и добродѣ-
телями они привлекали къ себѣ общее вниманіе окрестныхъ
дикарей — язычниковъ. Сначала дикари съ любопытствомъ
всматривались въ ихъ жизнь и дивились на нихъ. Потомъ,
убѣдившись въ отсутствіи всякихъ враждебныхъ замысловъ
противъ нихъ, они мало-по-малу начинали сблизяться съ
отшельниками, обращаться къ нимъ за совѣтомъ и руковод-
ствомъ въ дѣлахъ житейскихъ и находили у нихъ себѣ го-
товую, посильную помощь: дикари увидѣли въ пустынникахъ
своихъ благотворителей, которые не только не искали отъ
нихъ поживы, но съ самоотверженіемъ готовы были сами
помогать имъ. Вниманіе ихъ къ пустынникамъ переходило
тогда въ уваженіе, благоговѣніе; — пустынники пріобрѣтали
на нихъ полное нравственное вліяніе, учили ихъ истинамъ
вѣры и насаждали въ нихъ христіанскіе нравы. У нихъ не
было много оружія, кромѣ слова, и проповѣдь ихъ всегда
была успѣшна. Иногда, впрочемъ, услышавъ новое ученіе,
противное ихъ праотеческой вѣрѣ, дикари ожесточаются
противъ проповѣдниковъ: тогда незлобіе и готовность стра-
дать обезоруживаютъ ихъ, и отъ ожесточенія они снова воз-
вращаются къ дѣтской покорности и живой преданности св.

подвижнику (*). Благоворя народу при жизни, святые не оставляют его и по смерти. Въ основанные ими монастыри, народъ стекался со всѣхъ сторонъ, ища себѣ здѣсь у нихъ негдѣнныхъ останковъ помощи и вразумленія во всѣхъ бѣдственныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ, и нерѣдко, по вѣрѣ,

(*) Эти черты жизни первоначальнаго поморскаго подвижничества мы извлекли изъ житій сѣверно-поморскихъ святыхъ, которыя печатаются по рук. соловецкой библиотеки въ *Прав. Собесѣдн.*, въ цѣломъ составѣ, въ приложеніяхъ, и многочисленными отрывками во многихъ статьяхъ этого журнала. Здѣсь же можно видѣть, какъ много сдѣлали подвижники и основанные ими монастыри для улучшенія матеріальнаго быта края, для гражданскаго его развитія. Въ окрестностяхъ Соловецкаго монастыря, напримѣръ, до XV в. жили Лопари: «древле быша сіи родове, яко звѣрие дикіи, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, неимущіе ни храма, ни иного потребнаго къ жителству человѣческому, — но токмо животными питахуся, одежда же ихъ кожа еленей баше. Отнюдь Бога истиннаго ни знати, ни разумѣти хотяху, — но имъ же кто ограда чрево наполнить, тогда оно и Бога поставляше, и аще иногда каменіемъ убіетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразить ловимое — палицу боготворить...» А когда Савватій и Зосима поселились на Соловецкомъ островѣ, то принесли въ Поморье и сѣмя истинной вѣры и начатки матеріальнаго благосостоянія. Тамъ, гдѣ финскіе дикари вовсе не умѣли управлять стихіями природы для улучшенія своего быта, вполнѣ подчиняясь физическимъ неудобствамъ страны, тамъ появлялись улучшенія, весьма рѣдкія въ древней Руси. Озера на Солов. островѣ соединены были каналами; тамъ расчищали и устраивали хорошія дороги на мѣстахъ, дотогѣ покрытыхъ непроходимыми болотами и мхами; — увеличивали приливъ воды въ мелководныхъ рѣкахъ; строили каменные водяныя мельницы, къ которымъ проводилась вода посредствомъ каналовъ изъ отдаленныхъ озеръ. Тамъ, гдѣ прежде не знали самыхъ простыхъ орудій для наливанія и выливанія воды, — полушвары видѣли искусственные проводники воды, чрезъ которые жидкость сама сливалась со всѣхъ чановъ: чрезъ трубу подымается наверхъ, — разольется по всѣмъ бочкамъ, да и въ погребъ сама льется. До Филиппа игумена рожъ на сушило носили многіе, а игумень Филиппъ нарядилъ телѣгу: сама насыплется, и сама привезется, и насыплется рожъ на сушило. Прежде рожъ подсѣвали многіе; а игумень досталъ сѣвально съ 10 рѣшетами, — свѣтъ одинъ человѣкъ. Прежде многіе братія носили рожъ на гумно вѣять, а игумень нарядилъ вѣтеръ, мѣхами въ мельницахъ рожъ вѣеть. Тамъ, гдѣ не знали никакого употребленія глины, кромѣ выкапыванія ямъ, — устроены были кирпичные заводы и проч.

получалъ чудесную помощь отъ святаго,—а отъ его учениковъ, иноковъ его монастыря—назиданіе, вразумленіе, а очень часто и матеріальную помощь. Около монастырей мало-помалу вырастаютъ обширныя селенія, такъ что они становятся центрами наиболѣе населенныхъ мѣстностей края (*). Монастыри строятъ въ этихъ селеніяхъ на свое иждивеніе церкви, не заботясь о томъ, кому онѣ будутъ принадлежать: монастырямъ ли, или князю, или какому-нибудь частному лицу.... Велико было значеніе монастырей для всей древней Россіи; но едва ли не всего больше было это значеніе въ сѣверномъ Поморьѣ, гдѣ населеніе было болѣе чѣмъ гдѣ-либо дикое, гдѣ долго не было ни малѣйшихъ зачатковъ общественной жизни, которая такъ много содѣйствовала просвѣщенію народа на югѣ, — гдѣ, поэтому, монастыри были единственнымъ проводникомъ просвѣщенія въ народъ.

Это первоначальное значеніе монашества въ поморскомъ краѣ было причиною общаго здѣсь необыкновеннаго уваженія къ монашескому званію со стороны народа; а это уваженіе повело къ тому, что въ XVI и XVII вѣкахъ число монашествующихъ здѣсь увеличилось до такой степени, въ какой рѣдко гдѣ существовали они въ другихъ мѣстахъ Россіи (**). Обращая вниманіе на историческіе памятники поморскаго края, мы находимъ, что если въ какой-либо мѣстности—околоткѣ нѣтъ близко своего монастыря, тамъ живутъ «пришлые монахи,» въ нарочито-устроенныхъ на этотъ случай келіяхъ при церквахъ. Это послѣднее явленіе объясняется тѣмъ со одной стороны, что весьма значительная часть сельскаго населенія составляла вотчины или новгород-

(*) Когда св. Кирилль поселился около Бѣлоозера, «пусто и скудно было мѣсто то, боръ бѣше велий... никому же отъ людей живущу.» А когда обитель Кирилла сдѣлалась извѣстною, около нея числилось 398 селеній (А. И. 1 стр. 299; А. Э. стр. 474).

(**) Подробную статистику монастырей здѣсь, см. въ Ист. Русск. ц. пр. Филарета—по періодамъ; также въ статьѣ пр. Макарія—въ *Хр. Чт.* 1861 г., сентябрь.

скаго владыки, или извѣстныхъ новгородскихъ монастырей: Юрѣва, Хутыня, Вяжицкаго и др. (*). Управленіемъ итврополичьихъ и монастырскихъ итѣвнй завѣдывали обыкновенно уполномоченные отъ этихъ монастырей монахи; они жили или на погостѣ, или въ самыхъ деревняхъ, составлявшихъ монастырскую вотчину, на «монастырскомъ дворѣ», въ которомъ и помѣщалось цѣлое управленіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ монаховъ и служекъ монастырскихъ (**). Многія церкви, не только въ монастырскихъ и итврополичьихъ вотчинахъ, но и на помѣщичьей и государевой землѣ, построенны были на иждивеніе богатыхъ монастырей; при такихъ церквахъ непремѣнно устроялись келіи (***), въ которыхъ находили пріютъ и «проживали подолгу всякіе пришлые монахи,» между которыми, конечно, не мало было самозваныхъ: такъ въ исторіи Выговской пустыни мы видимъ, что

(*) Такъ въ 1628 г., по писцовымъ книгамъ Микиты Панина (См. *Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г.), въ 9-ти олонецкихъ погостахъ новгородскому владыкѣ и разнымъ новгородскимъ монастырямъ принадлежало здѣсь 1880 дворовъ, а въ нихъ 3123 челов., да 457 дворовъ бобыльскихъ, а въ нихъ 507 человекъ, да 100 дворовъ вдовьихъ, да 6 дворовъ монастырскихъ дѣтенышей,—людей всѣхъ въ нихъ 27 человекъ.—А всего сельскаго населенія въ этихъ погостахъ—всѣхъ сословіи значится по тѣмъ же писцовымъ книгамъ—14,169 человекъ.

(**) Напр. въ описаніи олонецкаго погоста говорится: «да на погостѣ дворъ Юрѣва монастыря, а живутъ въ немъ пріѣзжіе изъ монастыря старцы и служки» и проч. (См тамъ же).

(***) Въ описаніи олонецкаго погоста: «да на погостѣ, на церковной государевѣ землѣ,—келія, а въ нихъ живутъ старцы: черный попъ Герасимъ, старецъ Серапіонъ, старецъ Игнатій, старецъ Макарій.... да девять мѣстъ келейныхъ пустыхъ.... По другую сторону церкви—келья жъ, а въ нихъ живутъ старицы, на крестьянскихъ накупленныхъ земляхъ: старица Дарья, старица Маремьяна и пр. (9 старицъ), а питаются отъ церкви Божіей....» -Погостъ Ильинскій: а на погостѣ четыре келія, а живутъ въ нихъ старцы....» -«Да на погостѣ и за погостомъ, 16 мѣстъ келейныхъ, а живутъ въ тѣхъ мѣстахъ старцы, да старицы....» Всего въ заонежскихъ черныхъ волостяхъ, въ 9 погостахъ 97 келій, а живутъ въ нихъ старцы, да старицы, а питаются отъ церкви Божіей.—*Олон. Губ. Вѣд.* 1849 г., въ нѣсколькихъ нумерахъ *Писцовыя книги.... М. Панина да Семена Копылова.*

этии келіями пользуются раскольническіе же-монахи (*). Всѣ эти монахи, какъ управители монастырскихъ нитній, такъ и пришлые, живя внѣ монастыря, внѣ настоятельскаго надзора, среди простаго народа, не были, конечно, образцами монашеской жизни, не подавали простому народу понятія о монашествѣ, какъ дѣлѣ многотрудномъ, высокоподвижническомъ: они, конечно, много содѣйствовали распространенію между населеніемъ поморскаго края того легкаго взгляда на монашество, по которому каждый почти, какъ это было при началѣ раскола въ Пошорьѣ, не считалъ для себя трудною монашескую жизнь. Кромѣ того, эти монахи, вообще не отличавшіеся умственнымъ образованіемъ, потому что были большею частію изъ простолюдиновъ, конечно, пользуясь случаемъ, восхищали себѣ не принадлежавшее имъ право учительства церковнаго. Ко многимъ изъ нихъ, конечно, могутъ быть отнесены слова царя Феодора Алексѣевича, сказанныя имъ къ отцамъ московскаго собора 1681 года: «многіе монахи, мужеска пола и женска, говорилъ онъ, не хотя быть у настоятелей своихъ подъ послушаніемъ, отходятъ отъ монастырей...» и пр. (**). Такииъ образомъ исторіею монашества въ поморскомъ краѣ для насъ объясняется отчасти, почему при началѣ раскола мы здѣсь встрѣчаемъ такъ много расколоучителей изъ иноковъ, почему эти расколоучители изъ монашествующихъ нитѣи здѣсь такой великій авторитетъ, почему, наконецъ, раскольническая поморская община

(*) Въ разсказѣ объ инокѣ Виталиѣ Иванъ Филипповъ сообщаетъ, что когда онъ пришелъ въ Малоозерскій монастырь, «иже близъ Петровскихъ заводовъ» за тридцать поприщъ: то строитель монастыря, Макарій, иже весьма его любяше за его жестокое житіе и за бѣганіе ради храненія древняго благочестія, понеже Макарій и самъ о томъ знающе, и болѣзноваше и хромаше, отослалъ его къ *церкви пр. Іліи въ келіяхъ пустыи житьи*, которыя поставлены издавна для приходу къ церквамъ служителей и стояху пусты, никто бо смѣяше въ пустыи тѣхъ келіяхъ жити, понеже многихъ старцевъ прежде него живущихъ ту бѣси давлыху, а овыхъ и до смерти удавиша.» И. В. П., стр. 118.

(**) См. Акт. Истор. т. V, № 75, стр. 117.

приняла яко бы монастырское устройство. При общемъ, идущемъ изпачала, уваженіи къ иноческому званію, пустосвятство совратившихся иноковъ производило обаятельное дѣйствіе на народъ и дѣлало особенно авторитетнымъ ихъ слово; а тѣ изъ нихъ, которые не могли вести жизнь сколько-нибудь воздержную, не теряли уваженія въ глазахъ народа, въ силу того легкаго взгляда на монашескую жизнь, къ которому приучилъ поморскихъ жителей постоянный видъ монаховъ, живущихъ среди міра обыкновенною мірскою жизнью.

2. Замѣчательна исторія той мѣстности, которой суждено было стать центромъ поморскаго раскола. Мѣстность эта всегда находилась въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Соловецкому монастырю, начиная отъ самыхъ первыхъ дней его существованія, до временъ Андрея Денисова. Въ XIV вѣкѣ на р. Выгѣ, при впаденіи въ нее р. Сороки, поселился преп. Германъ Соловецкій. Онъ прибылъ сюда, когда мѣсто это было совершенно пусто, вслѣдъ за первыми новгородскими колонистами, построилъ здѣсь часовню и жилъ больше года. Черезъ нѣсколько времени послѣ него, прибылъ сюда преп. Савватій Соловецкій; ища большаго безмолвія, они оба удалились отсюда на Соловецкій островъ. Въ послѣдствіи, проведши всю жизнь свою на Соловецкомъ островѣ, почувствовавъ приближеніе смерти, преп. Савватій пришелъ на Выгъ же, гдѣ жилъ въ то время при часовнѣ построенной Германомъ нѣкто іеромонахъ Нафанаилъ, который и напутствовалъ его въ вѣчную жизнь приобщеніемъ св. Таинъ. Третій изъ основателей Соловецкаго монастыря препод. Зосима былъ уроженецъ села Толвуя (мѣстность ближайшая къ «Выгорѣціи»), постриженникъ Палеостровскаго монастыря. Въ концѣ XVI в. въ селѣ, гдѣ жилъ Нафанаилъ, жителей было всего двое, церковь бывшая тамъ стала ветха и стояла безъ пѣнія. Игуменъ Соловецкій св. Филиппъ въ 1542 году просилъ у царя Ивана Васильевича монастырю въ отчужное призрѣніе и благоустроеніе эту церковь и деревню. Царь исполнилъ его просьбу и освободилъ даже отъ волостель-

скаго и тѣнскаго суда тѣхъ. «кто на Усть-Сорокѣ рѣки ста-
петь жити — людей и крестьянъ». Въ писцовыхъ книгахъ
1582 г. деревня эта названа погостомъ, имѣвшимъ церковь
живоначальная Троицы, дворы священно-и церковно-служи-
телей, да дворъ Соловецкаго монастыря и нѣсколько дворовъ
крестьянскихъ; погостъ предполагаетъ выселки или выставки,
т. е. небольшія деревни, принадлежащія къ погостскому ок-
ругу (*). Въ XVII в. здѣсь была уже волость, были воло-
стные люди, бобыли, казаки и всякіе жилецкіе люди (**).
Во все это время Соловецкій монастырь не оставялъ заботить-
ся о духовномъ и матеріальномъ благосостояніи этой мѣстности.
Въ 1630 г. игумень Макарій писалъ новгородскому митро-
политу Кипріану: «живуть на ихъ монастырской землѣ, на
р. Выгѣ, подъ порогами Воецкимъ ихъ монастыря крестья-
не... И то мѣсто отъ иныхъ монастырскихъ волостей, въ
которыхъ церквинъ Божіи есть, поудалѣло верстѣ на 70 и 80
и больше, и мѣста пришлись непроходимыя, а многіе кре-
стьяне въ болѣсти безъ покаянія и младенцы безъ крещенія
помирали, потому что вскорѣ священниковъ для бездорож-
ницы добыть не можно, и чтобъ тѣхъ нашихъ крестьянъ по-
жаловали, храмъ воздвигнуть благословили бы вновь, во имя
св. Зосими и Савватія на р. Выгѣ... Въ 1645 г. Соловецкій
игумень Ілія, когда построена была на погостѣ церковь,
испросилъ у митрополита Авеонія позволеніе и на старомъ
мѣстѣ построить церковь (***)). Этотъ игумень Ілія, очевидно,
тотъ самый, при которомъ начались смуты въ Соловецкомъ
монастырѣ, когда присланы были сюда новоисправленные
книги,—который, послѣ тщетныхъ усилій ввести эти книги
въ употребленіе, едва смогъ убѣдить братію не истреблять
ихъ, а оставитъ до дальнѣйшаго разсмотрѣнія (****). Во вре-

(*) Неволинъ -о пятинахъ и погостахъ, стр. 168.

(**) Ак. Эк. Т. IV, № 70.

(***) А. Э. Т. IV, № 232.

(****) Преосвящ. Игнатій («Истина Солов. обители») оправдываетъ совер-
шенно игумена Ілію.—См. объ этомъ *рук. Имп. публ. биб. № 362*. О
пришествіи стольника Чаадуева въ Соловецкій монастырь.

мева народныхъ бѣдствій Соловецкій монастырь давалъ въ своихъ стѣнахъ пріютъ и убѣжище пострадавшимъ жителямъ обонѣжскимъ—«изъ поморскихъ и каргопольскихъ волостей и изъ лопскихъ погостовъ (*). Все это живо помнили обонѣжскіе и поморскіе жители (**), и этииъ объясняется, почему соловецкія смуты имѣли такое сильное вліаніе на поморскій край и въ особенности на выгорѣцкій, а съ другой стороны—почему сюда именно устремились съ своею проповѣдію раскольниковыиъ выходцы соловецкіе. Благодаря исконной благотворительности Соловецкаго монастыря этому краю, они всегда могли надѣяться встрѣтить здѣсь самую безотчетную вѣру своей проповѣди и имѣть самый широкій авторитетъ; и вотъ лишь только начались смуты въ монастырѣ—являются тамъ разнаго рода пророчества о выговскомъ краѣ: «отцу Игнатію скончавшуся, говоритъ Иванъ Филипповъ, *мѣкій мужъ, живый до запору въ Соловецкой обители при шумень Иліи, видѣ книгу письменную и читалъ мѣкоего мужа свята написано пророчество таково: въ послѣдняя времена, на конецъ вѣки, въ обонѣжскихъ странахъ больше Соловецкой обители будетъ святыхъ спасаемыхъ*» (***)...

3. Въ поморскихъ предѣлахъ христіанство насаждено позже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, повидимому, оно прививалось здѣсь быстро и успѣшно. Независимо отъ общихъ причинъ—трудности жизни, которыя на суровомъ сѣверѣ въ борьбѣ съ стихіями встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ-либо,—естественно усиливали религіозность сѣвернаго человека. Сѣверному русскому человеку выпалъ жребій совершить особенно трудную борьбу съ природой.

(*) А. Э. Т. III, № 110.

(**) Напр. -7199 года пресельникъ бываетъ въ Выговскую пустынь изъ *Зосимина отечества*—отъ села великаго Толдуй—Захарія, говоритъ біографъ Андрея. По свидѣтельству самого Андрея Денсова, *(въ надгробномъ словѣ П. Прокопьеву)* выговляне считали св. Зосиму своимъ особеннымъ покровителемъ. Въ исторіи Выговской пустыни встрѣчается много примѣровъ подтверждающихъ эту мысль.

(***) См. И. В. П. стр. 59.

Онъ долженъ былъ проторгаться сквозь лѣса непроходимые, сквозь тундры и болота, и почти на каждомъ шагѣ изнемогалъ, боролся со звѣрями, утопалъ въ рѣкахъ и болотахъ, страдалъ отъ мороза, истреблявшаго его посѣвы, отъ суроваго климата. Въ такомъ положеніи, вѣра служила для него подкрѣпленіемъ и утѣшеніемъ. Онъ прибѣгалъ съ молитвою къ святому во всѣхъ бѣдственныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ съ теплою вѣрой, и по вѣрѣ получалъ чудесную помощь. Но при всей религіозности, сѣверному жителю не доставало умственной развитости. Бога, святыхъ, христіанство онъ представлялъ себѣ младенчески, а его набожность переходила часто въ суевѣріе: невѣжество сѣверныхъ жителей Россіи было причиною того, что всю энергію своего чувства и воли они со временемъ направили на защиту невѣжественныхъ понятій, и ихъ религіозность, особенно подъ вліяніемъ вѣшнихъ обстоятельствъ, превращалась въ фанатизмъ.

4. Это духовнонравственное состояніе поморскаго края относится къ періоду болѣе раннему, нежели когда появился здѣсь расколъ. Но мы убѣдимся легко, что въ духовнонравственномъ состояніи жителей Поморья, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, не могло произойти существенной перемены, если обратимъ вниманіе на то, какъ недостаточны и скудны были здѣсь въ то время средства для духовнаго просвѣщенія. Число церквей въ поморскомъ краѣ было крайне недостаточно; ихъ географическое размѣщеніе представляло весьма значительную несоразимѣрность съ числомъ приходскихъ селеній или съ обширностію приходоѡвъ. Въ Выгозерскомъ стану, напр., гдѣ по писцовымъ книгамъ 1582 года всѣхъ деревень считалось семьдесятъ три, которыя были разбросаны на пространствѣ 1310 квад. верстъ, церквей всего было только восемь, — т. е. на девять деревень по одной церкви, и болѣе 160 квадратныхъ верствъ на одинъ приходъ. По писцовымъ книгамъ Ю. Сабурова 1493 г. въ Спасскомъ поудѣ на Выгозерѣ, по рѣкамъ Сумѣ и Выгу, находилось принадлежавшихъ знаменитой Марѣ посадницъ 26 дере-

вень, — а церковь для всѣхъ этихъ деревень была одна. Вообще въ олонецкомъ уѣздѣ, гдѣ по росписанію 1649 года считалось 18 погостовъ (въ смыслѣ извѣстнаго административнаго подраздѣленія), по писцовымъ книгамъ 1582 г. всего было 35 приходовъ вмѣстѣ съ монастырскими церквами. Между тѣмъ этотъ уѣздъ обнимаетъ кругомъ около 5895 верстъ, по 1473 версты (квадратныхъ?) въ каждую сторону (*). При отдаленномъ разстояніи деревень отъ церквей, нужно взять во вниманіе состояніе путей сообщенія въ поморскомъ краѣ. «Дороги съ Олонца во всѣ погосты, говорится въ одной воеводской отпискѣ 1649 г, *зашли мхи и озера, и перевозы чрезъ озера многе, а теложныхъ дорогъ нѣтъ*» (**). При такомъ положеніи дѣла, жители деревень не часто могли слышать пастьерское назиданіе и конечно нерѣдко лишались самыхъ важнѣйшихъ священно-дѣйствій: умирали безъ исповѣди и св. причащенія, сожительствоваали безъ браковъ, младенцы безъ крещенія... Далѣе: и тѣ церкви, какія существовали въ поморскомъ краѣ, не всѣ имѣли поповъ. По писцовымъ книгамъ кн. И. М. Долгорукаго 1628 г. во всѣхъ заонежскихъ погостахъ новгородской области числилось всего 12 церквей, а при нихъ только *девять дворовъ поповскихъ* (***) ; въ олонецкомъ погостѣ—*9-ть церквей*, а при нихъ—*7-мь поповъ* (****). Въ Пиржинскомъ и Важинскомъ погостахъ *три церкви—и два двора поповскихъ* (*****). Въ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются такіа замѣчанія: «домъ Божій стоитъ безъ пльмѣа, а дворы поповы пусты»... «хрестьянъ побили, а дворы пожгли литовскіе люди въ разоренье». Правительство мало заботилось объ отдаленномъ и пустынномъ краѣ, жители котораго были бѣдные ииородцы; а сами жители сляинкомъ

(*) Эти статъ свѣдѣнія извлечены изъ писцовыхъ книгъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ соч. Неволіна о поч. и пят. Новг., см. по указателю—въ концѣ—по именамъ погостовъ.

(**) Дополн. къ А. И. Т. 2, № 64, стр. 250 Невол. стр. 154.

(***) Ол. Губ. Вѣд. 1851, № 2.

(****) Ол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 3.

(*****). Тамже.

бѣды и невѣжественны, чтобы должнымъ образомъ заботиться «о священствѣ». На священническія мѣста въ поморскомъ краѣ, дававшія слишкомъ недостаточное содержаніе, не ходило желających; тѣ священники, какіе были, по невидности своего внѣшняго положенія, не всегда были изъ числа лучшихъ людей своего мѣста, — не могли быть хорошими просвѣтителями страны.

Все это вело къ тому, что вмѣсто церквей въ поморскомъ краѣ размножались часовни. Не имѣя возможности часто посѣщать свою приходскую церковь, за отдаленностію ея, по причинѣ дурныхъ путей сообщенія, жители поморскаго края ограничивались тѣмъ, что устроили часовни, въ которыхъ всѣ службы, кромѣ литургій, совершалъ кто-либо изъ простолудиновъ. Такимъ образомъ въ сѣверномъ поморьѣ жители — миряне легко привыкали къ участию въ дѣлахъ церковныхъ; вопросы и дѣла церковныя стали считаться дѣломъ столько же мирскимъ, земскимъ, сколько и духовнымъ. Частныя сельскія общины, напр., въ смутную эпоху, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ дѣлали для себя извѣстныя распоряженія, — устанавливали религіозныя заповѣди и узаконенія. Когда, затѣмъ, постановленіями церковной власти преемее свободное поставленіе поповъ изъ земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ признано преступленіемъ, изданы строгіе указы о ставленникахъ и записныхъ книгахъ новопоставленнымъ попамъ и діаконамъ (это распоряженіе было совершенно въ духѣ коренныхъ каноническихъ постановленій и вызвано было необходимостію — вслѣдствіе многочисленныхъ нестроений, имѣвшихъ мѣсто при преемствѣ порядкѣ): тогда духовенство начало терять нравственную силу и вліяніе на земство въ поморскомъ краѣ, а земство стало обособляться отъ духовенства и церкви, стало предаваться больше умышленному и религіозному вліянію своихъ грамотниковъ, чѣмъ поповъ. А отъ этого, опять, число поповъ въ поморскомъ краѣ должно было еще болѣе уменьшиться; не находя нравственнаго сочувствія со стороны народа, попы,

поставленные мимо ихъ желанія, много терпѣли въ способахъ существованія, и неохотно шли сюда на мѣста. Когда при какой-либо церкви не доставало попа, прихожане, не надѣясь имѣть попомъ кого-либо изъ своей среды, не давали объ этомъ знать епархіальному начальству, и «церковь Божія стояла безъ пѣнія, и дворы поповы пусты». Такъ напр. Палеостровскій игуменъ Кириллъ доносилъ въ своей челобитной (1700 г.), что «въ Челмужскомъ погостѣ за понаровкою тамошнихъ жителей, обѣльныхъ крестьянъ такихъ-то, церковь Божія въ запустѣніи стоитъ безъ пѣнія 7 лѣтъ, для того, что прежняго попа воры (раскольники) убили, а вновь никого у насъ нѣтъ; изъ постороннихъ мѣстъ никто къ нимъ въ попы бить челоуъ не хочетъ, а они, обѣльные, ни о чемъ о томъ не извѣщаютъ»... Обѣльные на допросѣ показали, что у нихъ дѣйствительно пять лѣтъ уже нѣтъ попа,—но что въ прошломъ году они отправили въ Новгородъ для поставленья своего дьячка,—«о томъ преосвящ. митрополиту вѣдомо», и что во всякомъ случаѣ церковь Божія у нихъ не въ запустѣніи: коли-де Выгозерскому попу Юрью отъ своей церкви съ Выгозера выѣхать къ нимъ нельзя, то у нихъ есть дьячекъ Ефреико Андреевъ, да иныхъ грамотныхъ людей изъ нихъ есть же, и въ церкви Божіей утрени и часы и вечерни говорятъ, а коли попъ Юрье пріѣзжаетъ, то литургію правятъ» (*). Въ такомъ порядкѣ вещей заключалась, конечно, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, если не самая главная, почему въ поморскомъ краѣ распространился расколъ безпоповщинскій. Многими причинами объясняютъ это обстоятельство, но едвали можно давать здѣсь много значенія шведскимъ перебѣжчикамъ и занесенному ими протестантству: протестанство не въ характерѣ русскаго челоуъка,—русскій челоуъкъ всегда относился къ нему съ антипатіей (**). Хотя жители поморскаго края, были не коренные

(*) См. Олон. Губ. Вѣд. 1849, судебное дѣло о разореніи Палеостровскаго монастыря.

(**) Въ доказательство солидарности и нѣкотораго тождества безпоповщинскаго раскола съ протестантизмомъ Шаповъ указываетъ между

русскіе, а большею частію финны и лопари,—тѣмъ не менѣе они съ самой ранней поры отличались преданностію и русской вѣрѣ и русской землѣ. Между протестантизмомъ и безпоповщиной Андрея Денисова—сходства слишкомъ немного. Гораздо больше, конечно, имѣли значенія здѣсь идея стригольниковъ и жидовствующихъ: но и онѣ не были главною причиною....

На такой подготовленной почвѣ стоило только посѣять сѣмена раскола, чтобы произрасли обильные горькіе плоды. Къ большому несчастію поморскаго края, на долю его выпало быть мѣстоиъ ссылки знаменитѣйшихъ расколуучителей. Первымъ провозвѣстникомъ раскола здѣсь былъ самъ «полена-чальникъ онаго добраго воинства», Павелъ еп. коломенскій, который въ самомъ началѣ Никонова предпріятія (1662—1654) «за свидѣтельство Ісусъ Христово посланъ быше, какъ свидѣ-

прочимъ на то, что будто-бы между раскольниками — учениками Капитона былъ «иноземець Вавила, люторскія вѣры», о которомъ говоритъ Семенъ Денисовъ въ Виноградѣ. Намъ кажется, что Капитона (а слѣд. и Вавилу) нельзя считать раскольникомъ собственно: вопервыхъ, Капитонъ удалился въ вязниковскіе лѣса и основалъ тамъ свою общину, какъ свидѣтельствуесть преосв. Игнатій сибирскій, еще при Михаилѣ Феодоровичѣ, когда о Никонѣ и о расколѣ не было еще и помину. Затѣмъ, судя потому, какъ описываетъ его жизнь митроп. Игнатій, лично изслѣдовавшій дѣло на мѣстѣ, это былъ скорѣе еретикъ, мистикъ въ родѣ древнихъ евхаитовъ: онъ отвергалъ іерархію и священство, но не потому, чтобы находилъ дѣйствія іерархіи неправильными, а просто потому, что доведши свой аскетизмъ до послѣдней крайности, углубившись въ свои подвиги, не хотѣлъ и знать о томъ, что дѣлалось внѣ его пустыни; считая себя великимъ подвижникомъ, онъ нашелъ для себя излишнимъ всякое внѣшнее содѣйствіе въ духовной жизни — отвергъ и необходимость для него таинствъ, совершаемыхъ пастырями церкви. Преосв. Игнатій въ своихъ посланіяхъ, направленныхъ противъ раскола, излагаетъ исторію Капитона не потому, чтобы считалъ его раскольникомъ, а потому что предположилъ обозрѣть всѣ ереси русской церкви. Что касается до Семена Денисова, то онъ записалъ Капитона въ свой «Виноградъ» потому, что имѣлъ цѣлію набрать какъ можно больше героевъ. Притомъ, Капитонъ многое проповѣдывалъ изъ того, чему училъ и расколъ, и при личныхъ столкновеніяхъ съ расколомъ относился къ нему дружелюбно.

тельствуетъ Андрей Денисовъ (*), въ заточеніе въ Палеостровскій монастырь (**), паче же рещи яко нѣкій Моисей и Ааронъ Божіишъ изволеніемъ на утвержденіе новаго Израиля беззлюбивыхъ и богобоязливыхъ померскихъ людей, идже нѣсколько времени (***) пребывъ, свободно поучаше народы, утверждая жити во святоотеческомъ благочестіи... коего благословенія архіерейскаго страны сея жители вси слышатели и видѣтели зѣло бяху. Сюда же, на Мезень, сосланъ былъ на нѣкоторое время протопопъ Аввакумъ; по своему обычаю во время пути онъ конечно не упускалъ случая «возвѣщать истину.» Затѣмъ, позже — четыре главныхъ расколуучителя: Лазарь, діаконъ Феодоръ, Епифаній и опять Аввакумъ, по опредѣленію собора 1667 г. сосланы были опять «въ померскую страну въ Пустозерскій острогъ.» Въ старину Пустозерскій острогъ былъ центромъ мѣстнаго управленія, воеводскою резиденціей; здѣсь чинился судъ и расправа, собирався ясакъ съ инородцевъ. Очень естественно, что страданія многихъ поборниковъ древняго благочестія огласились здѣсь на всю страну и сдѣлались предметомъ симпатіи въ царствѣ; отъ чего и образовалось мѣстное повѣрье, доселѣ существующее, о вліяніяхъ и чудесной помощи со стороны этихъ страдальцевъ, о которомъ сообщаетъ Максимовъ(****). Поэтому можно

(*) Въ надгробномъ словѣ П. Прокошьева, см. Рукон. Сбор. вродовѣдей Андрея.

(**) Замѣчательно, что иноки Палеостровскаго монастыря отличались самою горячею ревностію противъ раскола; Иванъ Филипповъ постоянно горько жалуется на нихъ—и только на нихъ: эти «новолюбители» постоянно писали отписки властямъ т. е. доносы на соловецкихъ выходцевъ, тогда какъ прочее населеніе края безмолвствовало и даже «попы поврывали старовѣрцевъ.»

(***) По «Винограду» Павелъ пробылъ здѣсь «не малое время.» По діакону Феодору Никонъ сослалъ Павла въ Хутынь монастырь, гдѣ онъ будто бы началъ юродствовать, и юродствуя обошелъ всю новгородскую область, пока наконецъ «Никоновы ученицы, обрѣвши его въ нутѣ мѣстѣ идуща, схватили и убили до смерти, тѣло же сожгоша.» Прав. Соб. 1859 г., т. II, стр. 469.

(****) «Годъ на Свверъ», т. II, стр. 315.

повѣрить Семену Денисову, когда онъ говоритъ, что когда Ѳеодору и Лазарю рѣзались языки, то «народи предстоящій слезъ исполняеми, горько рыдаху, ужасно видѣніе зряще (*)». Затѣмъ, дѣснотность, пустышность и малонаселенность поморскаго края, а также малодоступность его для правительственнаго надзора—были причиною того, что этотъ край сдѣлался однимъ изъ главныхъ мѣстъ укрывательства гонимыхъ раскольниковъ, не только изъ окрестныхъ мѣстъ, но и изъ отдаленныхъ предѣловъ Россіи, напр., изъ Москвы,—и между ними, опять, наиболѣе знаменитыхъ и славныхъ. Таковы были: Досноей, игуменъ Тихвинскаго бесѣднаго монастыря (**), съ честію принятый иноками Курженской обители (***), «мужъ-святъ старостію и благочестіемъ украшенный», инокъ Корнелій, служившій при трехъ патріархахъ, лично близкій къ Никону, имѣвшій, слѣдовательно, авторитетъ челоуѣка хорошо знакомаго съ дѣломъ. Иноки Соловецкаго монастыря отъ ссыльныхъ справщиковъ печатнаго двора заразившіеся расколомъ, съ своей стороны считали священнымъ долгомъ позаботиться о сохраненіи древняго благочестія въ прионежскомъ краѣ и особенно въ своей отчизнѣ—Выгозерскомъ стану. Такъ явились здѣсь: діаконъ Пименъ, извѣстный тѣмъ, что первый открылъ отступленіе Никона, подмѣтивъ, какъ онъ будучи еще митрополитомъ въ Новгородѣ, благословлялъ не такъ, какъ должно: онъ тогда же сообщилъ объ этомъ Корнелію, служившему тогда при домѣ Никона, послѣ чего Корнелій пересталъ ходить на благословеніе къ митрополиту и вызвалъ замѣчаніе Никона: «Корнеліюшко, почто подъ благословеніе не ходишь? Хочеши ли сотворю тя игуменомъ въ Деревяницкій монастырь?» (****); Игнатій, тоже діаконъ со-

(*) -Виноградъ Росс., стат. о дьяк. Ѳеодорѣ.

(**) См. объ этомъ монастырѣ въ -Ист. Іерах.-, ч. III, стр. 350. Также -Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх.-, т. II, Ламанскаго, стр. 411, № 232.

(***) См. -Ист. Іер.-, ч. IV, стр. 831.

(****) См. -Житіе Корнелія, архіепископа- Имп. Публ. Б—ки (безъ нумераціи страницъ).

ловецкій, кромѣ личныхъ доблестей извѣстный тѣмъ, что къ нему писалъ свои жалобы на дьякона Θεодора Аввакумъ Дослѣеѣй, Корнилій, Пимень, Игнатій, Іосифъ, Германъ — все это старыя, давніе знакомцы, — это было цѣлое сборище пропагандистовъ раскола. Во время церковной анархіи, послѣдовавшей за удаленіемъ Никона въ Воскресенскій монастырь, всѣ эти лица безпрепятственно подвизались уже на поприщѣ проповѣдыванія, и много успѣли сдѣлать зла прежде, чѣмъ на соборѣ 1667 г. состоялось опредѣленіе противъ раскола. Затѣмъ, хотя московскій соборъ 1667 г. опредѣлилъ *ослѣз* раскольниковъ по церковномъ отлученіи передавать въ распоряженіе гражданской власти, а гражданская власть, по силѣ уложенія царя Алексѣя Михайловича, должна была предавать ихъ «градскому казненію», соженію въ срубъ и т. п.; но въ исполненіи этого приговора гражданская власть по необходимости должна была ограничиться казнію лишь нѣкоторыхъ, не принесшихъ покаянія расколуучителей — въ одной Москвѣ. Въ провинціяхъ этотъ приговоръ отнюдь не былъ приводимъ въ исполненіе сначала. Обязанность надзора за расколомъ возложена была на священниковъ, которые, бывъ избираемы большею частію народомъ и изъ среды народа и потому находясь въ зависимости отъ него, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ сочувствовалъ расколу, отчасти не хотѣли, отчасти боялись доносить на раскольниковъ; бывали даже случаи, когда они «поберегали ихъ братью», какъ говорилъ о себѣ Корнилій. Что касается до новгородской области, то здѣсь расколъ положительно благоденствовалъ во все время, пока управлялъ новгородскою епархіей митрополитъ Макарій: «аще и въ стѣдину возраста лѣты своими не прииде, но обаче вѣдѣаше добръ законы церковныя», говорить о немъ Андрей Денисовъ, поэтому, «аще и шумяше Никоновыхъ новостей громъ по всей Россіи, обаче въ области великоновгородской не слышашуся страшныя его гласы, яко же въ прочихъ епархіяхъ» (*). Корнилій, Дослѣеѣй и проч. свободно

(*) Въ надгр. словъ П. Прокопьеву.

сходились въ Курженской обители для «соборныхъ» разсужденій по дѣламъ гонимаго правовѣрія, устанавливали догматы, и проч. Корнилій разсказываетъ о себѣ, что когда онъ былъ въ Каргополѣ, то препирался свободно съ присланными сюда изъ Москвы миссіонерами, — «далъ бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ», — оскорбить его никто ничѣмъ не смѣлъ, понеже обороняли и защищали его посадскіе.» Но не одни посадскіе ревновали въ Каргополѣ за расколъ: самъ игуменъ здѣшняго монастыря, первое духовное лицо во всемъ краѣ, любилъ благочестіе и служилъ все по старому: у него находили пріютъ «соловецкіе отцы», расколоучители «человѣкъ восемь.» Не только частныя лица, изъ духовнаго званія, но и цѣлые монастыри были здѣсь на сторонѣ раскола: такъ кромѣ Курженской обители и Спасо-Евѣиміевской въ Каргополѣ, въ исторіи Выговской пустыни упоминается еще о Машеезерскомъ монастырѣ, «иже близъ Петровекихъ заводъ стадій за тридесять», котораго строитель Макарій зѣло стужаше о древнемъ благочестіи и укрывалъ у себя расколоучителей въ самую тяжкую пору (*). Затѣмъ на сторонѣ раскола были не только многія выборныя земскія власти, но и члены гражданской администраціи, какъ это видно изъ дѣла о пудожскихъ раскольникахъ и изъ суднаго дѣла о разореніи Палеостровскаго монастыря (**). Такъ расколъ быстро охватилъ весь поморскій край: были здѣсь времена своего рода террора, когда раскольники цѣлыми шайками, съ ружьями расхаживали по деревнямъ и свирѣпствовали безнаказанно. Не имѣя большаго приложенія въ началѣ, постановленіе московскаго собора о преданіи градскому суду раскольни-

(*) См. «Ист. Выг. пуст.», стр. 118.

(**) См. «Анг. Ист.», т. V, №... «Олонец. Губ. Вѣд.» 1849 г. №1—14. Писарь прикупной палаты Кузьма Прокопьевъ въ Олонцѣ пользовался для распространенія раскола своимъ «юридическимъ вліяніемъ на народъ» (Щаповъ Р. Р. С. стр. 241). Въ Олонцѣ же принадлежитъ къ расколу посадникъ Пулюевъ (Ист. Выг. Пуст., стр. 60) и богатый купецъ Гуттоевъ. «имѣніемъ изобильный» (Виноградъ Рос., стр. 180).

ковъ, къ концу царствованія Алексѣя Михайловича окончательно утратило свою силу, такъ что соборъ 1681 г. долженъ былъ просить царя Ѳедора Алексѣевича снова подтвердить это распоряженіе (*). Но Ѳедоръ Алексѣевичъ не ограничился подтвержденіемъ прежнихъ распоряженій противъ раскола. Такъ какъ священники не исполняли лежавшей на нихъ обязанности открывать раскольниковъ и доносить на нихъ, то онъ предписалъ отыскивать раскольниковъ вотчинникамъ, помѣщикамъ и ихъ прикащикамъ, низшимъ земскимъ властямъ. Въ поморскомъ краѣ и эта мѣра оказалась безуспѣшною, такъ что митрополитъ Пѣтириинъ, ревностный преслѣдователь раскола «не кроткій и не преподобный, иже въ конецъ отложи древнецерковныя преданія», не дожидаясь доводовъ отъ мѣстныхъ властей и священниковъ, отправилъ въ олоонецкій край своихъ недѣльщиковъ и подъячихъ и поповскихъ старость, архимандритовъ, игуменовъ и старцевъ — съ солдатами. Вотъ какъ описываетъ дѣйствія этихъ посланныхъ историкъ Выговской пустыни: «си начаша въ Олонцѣ и во всѣхъ предѣлахъ его всѣхъ людей старыхъ и малыхъ, мужескъ и женскъ полъ приводити по церквамъ съ великимъ принужденіемъ и причащати новослужебнымъ причащеніемъ... съ великимъ гоненіемъ и мучительствомъ, дабы и неволею пріобщались народи въ церкви..., а не причащающихся и не крестящихся тремя перстами вязати во оковы и мучити всякими муками... Такова быше проповѣдь новозобрѣтенныхъ Никономъ догматъ, таково ученіе новаго и преславнаго ихъ благочестія, вся части Россіи неслыханными чудесы и знаменіи преславно удивившаго! Новое ученіе есть Никоново, сего ради и нравъ учителей новый, не словомъ бо солию раствореннымъ поучаютъ, но мечемъ остримъ... Но о пречуднѣи проповѣдницы! Вы воистину увѣщали есте, не точію ангеловъ сатаниныхъ проповѣди сей помогати, но и самаго са-

(*) Акт. Ист., т. V, № 75

тану веселиться: той бо радуется о убиении неповинныхъ чело-
вѣкъ яко и самъ челоуѣкоубійца есть... Овѣя отъ такого
нучительства и не хотѣше, но нуждею приводими причаща-
хуся; а иныиъ силою причастіе и антидоръ кляпы во уста
полагающе вливаху, иныи же аще и прѣнмаху, но во устѣхъ
удерживаху и, вышедше изъ церкви, изъ устѣхъ плеваху на
землю, и видѣвши такое неистовство и насилваніе, отвра-
щавшася людѣе и гнушавшася, что насиліемъ и недостойнымъ
даваху...» Подобнымъ же образомъ поступало и гражданское
правительство: не надѣясь на мѣстныя власти, оно посылало
изъ Новгорода нарочитыхъ военныхъ чиновниковъ, каковы
были полковникъ Петръ Неплюевъ и прапорщикъ Портнов-
скій. Эти комиссіи и экспедиціи до чрезвычайности разо-
жгли фанатизмъ раскольниковъ: они стали сожигаться десят-
ками, сотнями и даже тысячами (*).

(*) Существуютъ въ литературѣ различныя объясненія самосожига-
тельства. *Есиповъ* (От. Зап. 1863 г. февр. «Самосожигатели»), переда-
вшій много новыхъ фактовъ изъ жизни раскола, но не всегда самостоя-
тельный въ сужденіи о немъ и вообще недалекій въ его пониманіи, на
этотъ разъ воздерживается отъ всякихъ заключеній. *Авторъ предисло-
вія къ изданію исторіи Выговской пустыни*, думаетъ, что самосожже-
нія были вынуждены единственно преслѣдованіями раскола. Подобнымъ
образомъ думаетъ и *Некарекій* («Наука и Лит.—ра при Петрѣ», т. II,
стр. 351): изступленіе, говоритъ онъ, достигло вслѣдствіе гоненій до
того, что... и пр. Но извѣстно, что самосожженія были и въ такое
время, когда раскольникамъ не грозила никакая опасность (напр. въ ц.
Екатерины филиповцы сожглись въ Зеленецкомъ монастырѣ: въ 1802 г. въ
сарат. губ., рассказываетъ *Варадиновъ*, одинъ расколоучитель проповѣ-
дывалъ, что приближается страшный судъ, что если кто хочетъ стать
одесную, тотъ долженъ сгорѣть: 54 челоуѣка заперлись въ избѣ... но
имъ помѣшали.» (Истор. Мин.—ва Внутр. Дѣлъ, т. VIII, ст. 57—58). Въ
самой «Истор. Выгов. пустыни» много примѣровъ самосожженія вслѣд-
ствіе одного изступленія. *Щебальскій* («Прав. Цар. Соѳін., *Русск. Вѣст.*
1856. № 7), говорить, что самосожигатели сжигались въ томъ убѣжде-
ніи, что жизнь обречена грѣху, что искушеніе сильнѣе челоуѣка; итакъ
лучше умереть, чѣмъ грѣшнить...» Извѣстно, что еще *Аввакумъ* пропо-
вѣдывалъ самосожженіе, какъ принципъ догматическій: «а иныиъ ревни-
тели закона уразумѣвше леств отступленія, да не погвбнуть злѣ ду-
хомъ своимъ... сожигавшася огнемъ своею волей: блаженъ изволь сей
о Господѣ.» (Опис. нѣк. раск. соч. Ал. Б., ч. II, стр. 5).

При такой-то обстановкѣ росъ и воспитывался Андрей Денисовъ. Событія, разразившіяся во дни его дѣтства въ его родномъ краѣ, наполнившія собою всю жизнь мѣстнаго населенія, занявшія всѣ умы—не могли не имѣть сильнаго, обаятельнаго вліянія на воспріимчивую дѣтскую натуру, и возрастили въ Андреѣ плодъ по роду своему.

НИКОЛАЙ БАРСОВЪ.

(До слѣдующей книжки.)
